

А. Ю. СЕГЕНЬ¹

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ В 1988 ГОДУ ТРАКТАТА Н. М. КАРАМЗИНА «О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ В ЕЁ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ»

В статье, написанной на основе доклада, сделанного автором на научно-практической конференции «Н. М. Карамзин – писатель, историк, филолог», сообщаются подробности первой постсоветской публикации трактата Н. М. Карамзина «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» (впервые: Берлин, 1861; в России: 1900), определяется историко-культурный и современный контекст его бытования.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, Россия, самодержавие, Александр I, П. А. Вяземский, Ю. М. Лотман, «Литературная учёба».

В молодости либерал, масон, республиканец, вольтерьянец, на заре XIX века Н. М. Карамзин пришёл к убеждению, что республики хороши для небольших государств, но в России должны быть монархия, консерватизм, порядок, режим. Консерватизм он понимал не как стремление удержать отжившее, а как соблюдение своевременности. В первые годы правления Александра I, когда сам царь склонялся чуть ли не к отмене монархии, его личный историограф выступил на страже существующего монархического уклада, за что в XIX веке его высмеивали либералы-республиканцы, а в веке XX его сочинения и вовсе подверглись опале, а сам он рассматривался лишь в качестве создателя русского сентиментализма, но ни в коем случае не как историк. Знания советских людей о его «Истории государства Российского» ограничивались лишь эпиграммой Пушкина:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Между тем понятия *самовластье* и *самодержавие* возникли после падения ордынского ига и означали независимость — сами владем, сами держим

---

¹ Александр Юрьевич Сегень – прозаик, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

власть. И Карамзин понимал, что в России слово «самодержавие» — синоним слова «независимость». Падало самодержавие, и независимость мгновенно ставилась под угрозу...

В 1986 году состоялся прорыв блокады вокруг карамзинской «Истории государства Российского». Сотрудники журнала «Москва», в 1960-е годы открывшего миру роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», теперь, после многих десятилетий запрета напечатали, хотя и с сокращениями, труд Карамзина. Публикатором выступил Анатолий Филиппович Смирнов (1925–2009), выдающийся историк-славист.

В те времена я работал в журнале «Литературная учёба». В 1987 году сюда был назначен новый главный редактор — Владимир Андреевич Малютин. Человек дерзновенный и амбиционный, он освежил атмосферу журнала вихрем идей, предложениями неожиданных публикаций, за которые с воодушевлением взялись сотрудники. Решив не отставать от журнала «Москва», Малютин захотел и в своей вотчине завести что-либо равнозначное. Я, учась в заочной аспирантуре Литературного института, как раз осваивал карамзинские темы и мгновенно предложил опубликовать так называемую «Записку о древней и новой России». Владимир Андреевич с восторгом эту идею поддержал. Началась долгая и кропотливая работа.

Как известно, эту записку Карамзин подал государю императору в 1811 году, предчувствуя надвигающуюся на Россию грозу. Александр Павлович не случайно послужил прообразом гоголевского Манилова. В годы, предшествовавшие Отечественной войне, он находился под обаянием Бонапарта и любезных ему поляков, мечтал стать республиканцем на троне, отменить многие строгие государственные образования, веками складывавшиеся на Руси, упразднить крепостное право, дать свободу Польше, а за нею и другим окраинам. Видя вокруг себя множество охотно и подобострастно поддакивающих, государь согласился с советами своей сестры Екатерины Павловны, уговорившей его выслушать особое мнение придворного историографа, коим Карамзин был назначен в 1803 году, как раз благодаря своим тогдашним умеренно-демократическим воззрениям.

Николай Михайлович подал обширный трактат, в коем выступил как консерватор. Он резко раскритиковал как внешнеполитические, так и внутриполитические вольности государя. Все реформы, включая отмену крепостничества, советовал проводить не с наскока, а постепенно, готовя почву, прежде чем сеять семена. А уж монархию он воистину воспел как единственную и неизблемую форму правления на наших необъятных просторах. Таков был вкратце смысл поданного им царю сочинения.

О ту пору всё, что какой-либо советник подавал на рассмотрение главы государства, называлось записками. Мне кажется, теперь использовать слово «записка» в отношении трактата Карамзина не вполне оправданно. Во-первых, потому, что ныне это воспринимается как нечто содержащее краткую и самую необходимую информацию. Типа «Завтра в семь на том же месте» или «Пошёл ты туда-то!» И говорить о многостраничном сочинении «записка» — как-то несолидно. А во-вторых, нигде у самого Карамзина слово «записка» не встречается. Сей трактат назван им «О древней и новой России в ея политическом и гражданском отношении», равно как и последующий «О Польше», также по традиции обозначаемый как «записка».

Главная трудность состояла в том, что подлинник карамзинского трактата утерян. Возможно, случится чудо и когда-нибудь он, начертанный рукой самого автора, будет обнаружен. Пока же мы имеем лишь несколько десятков списков, созданных в разное время, и тогда, в 1987 году, предо мной встала задача определить, какие из этих списков максимально приближены к оригиналу. Дело, по своей сути похожее на криминалистическое следствие. И я стал просиживать долгие дни и вечера в архивах и библиотеках, в фондах которых находились списки. Я сверял их с текстами предыдущих публикаций, предпринятых во второй половине XIX столетия М. А. Корфом (1861) и А. Н. Пыпиным (1900), и очень скоро понял, что и публикаторы не располагали списком, наиболее приближенным к оригиналу. Я переписывал кусками, научился с ходу определять, к какому примерно времени относится тот или иной список. Рука моя даже настолько сроднилась со старой русской орфографией, что много лет спустя я не мог писать орфографией XX столетия. Ять, ер, «і» с точкой и фита вошли в мой мир навсегда, и даже сейчас, когда я пишу что-то лично для себя, то использую орфографию XIX века.

С работой над списками связано множество интересных, порой курьёзных историй. Расскажу о некоторых.

Во всех без исключения списках есть один и тот же пробел. По всей вероятности, первый переписчик на какое-то время отвлекся, поругался ли с женой, напился ли с друзьями, сочинил ли попутно какую-то повесть, а потом, вернувшись к переписыванию, не заметил, что пропустил целый кусок. Приехав в Ленинград, как тогда ещё назывался Петербург, я встретился в Пушкинском Доме с одним солидным учёным, чтобы поговорить о своей работе. Не стану называть имени. К тому же и сам уважаемый исследователь в начале XXI века упокоился в ином мире. Я знал, что он уже давно занимается карамзинской «Древней и новой Россией», и спросил:

— Как вы думаете, а что за отрывок пропущен в имеющихся текстах?

— Вы что, хотите, чтобы я вам с ходу ответил, какие там есть изъяны? — возмутился учёный, хотя изъян в тексте имелся один-единственный.

Его вообще возмущало, что я, простой литератор, не имеющий никакой научной степени, хочу в ближайшем будущем опубликовать до недавнего времени запрещённый трактат.

— Я много лет занимаюсь «Запиской» и то не решаюсь, а вы хотите так, с наскоку! — сердился он.

В те времена много было подобных учёных, которые, пребывая в штатах научных заведений, чем-то занимались годами, а никакого продукта не выпускали.

Работа в ленинградских архивах связана и с воспоминанием о катастрофическом пожаре БАН — Библиотеки Академии наук 14–15 февраля 1988 года. Придя в очередной раз утром в архив и получив рукописи, я приступил к работе. Пахло дымом, причём запах гари не уменьшался, а лишь усиливался, и вдруг передо мной на рукопись лег полностью обуглившийся лист бумаги, влетевший в форточку. Выйдя, чтобы размяться, я увидел спящих и встревоженных людей, среди них оказался мой знакомый Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский; он-то и сообщил мне о том, что в БАНе бушует пожар. Утирая с лица сажу, он призвал меня подключиться к спасению рукописей и книг из помещений, соседствующих с теми, в которых горело, и я было воз-

намерился откликнуться на его призыв и ринуться на подвиги, стал собирать рукописи, дабы сдать их до завтра. И тут сказал себе: «Стоп! А ведь завтра все архивы могут оказаться под замком на неопределённое время». Я снова сел работать и за оставшийся день закончил обработку всех рукописей. Так расчётливость исследователя преградила мне путь к подвигу.

Не могу не упомянуть забавную деталь. Среди множества списков несколько экземпляров оказались из архива Демьяна Бедного. С первого взгляда можно было определить, что это наспех сляпанные подделки под старину — частое отсутствие яти, «і», фиты и ера в тех местах, где они должны быть, «ого» вместо «аго» в прилагательных родительного падежа и так далее. Мало того — частые пропуски целых предложений и даже абзацев. Дело в том, что пролетарский поэт Ефим Придворов, вопреки своему псевдониму «Демьян Бедный», был одним из самых богатых представителей литературной советской элиты. Зная, что богачи любят коллекционировать, то бишь вкладывать деньги в недевальвируемые ценности, он, по их примеру, собирал старинные книги и рукописи, в его библиотеке насчитывалось свыше тридцати тысяч томов. Как видно, зная, что он многое скупает без разбора, ловкачи быстренько состряпывали для него списки, не очень заботясь о приметах подлинности.

Из города на Неве мой путь лежал в Тарту, где проживал виднейший советский литературовед Юрий Михайлович Лотман. К нему обратились с просьбой написать предисловие к моей публикации Карамзина. Первым делом я столкнулся с истинно эстонским гостеприимством, когда на мой вопрос, как пройти на такую-то улицу, мне ответили:

— Надо пройти через вон ту стройку, и вы как раз выйдете на эту улицу.

Я долго бродил по огромной стройке, а когда выбрался из неё, оказалось, что мне указали в полярно противоположном направлении. Лотман, когда я наконец добрался до его гостеприимной семьи, добродушно посмеялся. А когда я рассказал ему о «специалисте» в Пушкинском Доме, посмеялся уже сердито и назвал «специалиста» известным халтурщиком и бездельником, к которому и не стоило обращаться. У меня накопилось несколько вопросов, на которые я не знал ответа. С ними я и обратился к Лотману. Вот тут я узнал, что такое настоящий учёный. Юрий Михайлович честно сказал:

— Я не знаю ответа на эти вопросы. Но знаю, где можно попробовать поискать эти ответы.

Он стал рыться в своей библиотеке, перелистывать разные тома, и, словно по волшебству, в течение полутора часов у меня уже не было вопросов. Приведу один лишь пример. Во всех списках в цитате из Монтескьё фигурировало слово «saugeois», которое я не мог перевести, ибо в словарях оно отсутствовало. Лотман быстро определил, что Карамзин пользовался экземпляром книги Монтескьё, напечатанным ещё до революционной реформы французского языка, нашёл у себя такой экземпляр и мгновенно определил, что так раньше писалось слово «sauçais».

В течение полугода работа была проделана. Мне удалось установить, что наиболее близким к оригиналу является список из архива П. А. Вяземского, который и был положен в основу публикации. Лотман написал предисловие, я — комментарии, и в четвёртом номере журнала «Литературная учеба» за 1988 год появилась первая бесцензурная публикация трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении».

«Несть льсти в языке моем» — этим эпитафией Карамзин оснастил свой трактат. «Нет неправды в языке моём». Следуя завету Державина, он с открытой улыбкой, честно говорил царям истину. Раскритиковав многие деяния и намерения императора Александра, он мог ждать чего угодно — либо наград, либо опалы. Надеялся, что не расправы, ибо царь отличался мягкостью. Но ни наград, ни опалы, ни расправы не последовало. Вместо них — стена молчания. Смелость суждений историографа разозлила Александра, но царь сделал вид, что никакой записки не получал. Возможно, тогда же и уничтожили оригинал. Хорошо, что Николай Михайлович заказал списки, один из которых на всякий случай препоручил Петру Андреевичу Вяземскому.

О диалоге с государем Карамзин высказался следующим образом: «Я всегда был чистосердечен. Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако ж, слушал их, хотя им, большею частию, и не следовал...» Лишь после вторжения Наполеона в 1812 году император Александр Павлович, впервые в жизни прочитавший Евангелие, да и то на французском языке, вспомнил и о пророчествах своего историографа. Отношение к Карамзину резко изменилось в лучшую сторону. После разгрома Великой армии Николай Михайлович укрепил свои позиции в качестве главного государственного историка, а многие его оппоненты, против которых он высказывался в трактате «О древней и новой России», во главе со Сперанским, получили отставку.

Люди, во второй половине 1980-х годов публиковавшие в журнале «Москва» «Историю государства Российского» и в «Литературной учёбе» трактат «О древней и новой России», уже видели многие плачевные итоги реформ тогдашнего главы государства, в большинстве своём необдуманных. И эти публикации адресовались не только рядовым читателям, но и с робкой надеждой — руководству страны. Не очень верилось, но хотелось надеяться: вдруг да кто-то в руководстве прочтёт, задумается, вынесет урок. Но, увы... Император Александр прочёл и отмёл. Творцы так называемой «перестройки» и вовсе ничего не читали. Как, впрочем, и все последующие наши руководители. Рассматривать литературу в качестве орудия борьбы против несовершенства мира — наивно.

И всё же — слава писателям, стремящимся говорить истину!